

Олег Ашихмин

12+

Кавказский Крест

Рассказы

Олег АШИХМИН
Кавказский Крест

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Ашихмин О.

Кавказский Крест / О. Ашихмин — «ЛитРес: Самиздат», 2000

Армия, спецназ, Чечня, люди после войны. Несколько историй о тех, кто там побывал, и кому посчастливилось вернуться. Несмотря на то, что прошло уже двадцать лет, слишком мало написано и сказано об этой войне.

© Ашихмин О., 2000
© ЛитРес: Самиздат, 2000

Три зуба

**Кто не был в армии,
тот очень много потерял,
а кто был, тот потерял
в два раза больше.**

(Из дембельского альбома)

Группа спала после очередного безумного дня. Не спалось только Малышу. Не простое это дело – служить в родном городе, да еще и засыпать в трех остановках метро от нее. А если к этому добавить богатырское телосложение, за которое Артем с легкой руки дедов-дагестанцев получил свое прозвище, да панцирную койку, предусмотренную уставом, то спать вообще вряд ли захочется до самого дембеля. Малыш глянул на рядом спящих Гнома, Тайсона и Балу, которые были еще здоровее его, и от этого глумливого зрелища ему стало совсем тоскливо.

В конце «взлетки» дневальный лениво возил шваброй.

– Да когда же суббота! – про себя взмолился всем богам спецназа Малыш в ожидании обещанного командиром увольнения. Всю неделю его взвод в группе был лучшим. Маршбросками, стрельбами и даже нарядами командир остался доволен, поэтому так великодушно пообещал взводу «увал». Главное, чтобы теперь никого не заловили в самоходе и не спалили с водкой, а то по хорошей традиции, с незапамятных времен введенной в группе, обязательно кто-нибудь залетит, и вместо увольнения спецы в бронезилетах, касках и с автоматами наперевес на глазах у всего полка убегут на полдня «захватывать» какую-нибудь высоту, которая, по желанию командира, могла оказаться и в двадцати километрах от части.

* * *

Как Малыш предполагал, так и случилось. На следующий же день за ужином в столовой спецы подрались с дембелями-дагестанцами из второго батальона. Причем подрались так, что при виде происходящего начальник столовой убежал в мойку и из окошка раздачи кричал, что всех отправит в дисбат. В столовой летали столы, табуретки, стаканы, подносы, мелькали сапоги, руки, свистели ремни, и на пронзительные крики капитана никто не обращал внимания, отчего тот визжал еще громче и, как вольерная рысь, метался в окошке. Утомонить его удалось Тайсону, под шумок запусившему табуреткой в сторону раздачи. Капитан заткнулся, но, если бы не предстоящая командировка в Чечню, за свой снайперский бросок Тайсон мог получить пару лет «дизеля» и заодно выплатить в полковую казну за разгромленную столовую и казарму, так как драка плавно перетекла туда. За своих уже после отбоя в группе попытались заступиться даги, и спецы пошли стенка на стенку. Командир обо всем узнал наутро.

* * *

На утреннюю проверку все вышли как один: с перебитыми носами, разбитыми бровями, распухшими губами, фиолетовыми синяками, а у некоторых дагов лица напоминали беляш.

– Группа! Равняйся... Смирно! – скомандовал Малыш, собираясь доложить командиру, что личный состав группы специального назначения для утреннего осмотра построен.

– Отставить, – хмуро сказал капитан и медленно обвел глазами строй.

Для всех командировка в Чечню показалась несбыточным благом в свете предстоящих воспитательных мероприятий.

– Значит так, – медленно начал командир, —Малыш... Давай... Командуй... Группа – занятия по распорядку. Тайсон, ко мне в канцелярию. До командировки все увольнения я прикрываю... Вопросы есть?

– Отсутствуют! – гаркнули три шеренги, ибо за побоище все ждали второй Варфоломеевской ночи.

– Разойдись! – крикнул Малыш, с трудом понимая, радоваться или огорчаться такому повороту дела. Инну он не видел уже целую неделю.

* * *

Следующие три дня группе показались адом. Кэп был мужик суровый. Мало говорил, но много делал, и все понимали, что прикрытыми увольнениями не отделаются. За «массовые спарринги» в столовой каждый уже пролил по семь ведер пота, и это было только начало. Глядя на мучения подчиненных, командир, улыбаясь одними глазами, одобрительно приговаривал:

– Ничего, ничего. Больше пота здесь, меньше крови там.

В течение дня спецы на стрельбах, марш-бросках и тактических занятиях так изматывались, что в столовой вели себя, на удивление всего полка, тише воды, ниже травы, а культовой команды «отбой» ждали больше, чем дембеля. Малыш не помнил, как засыпал, зато хорошо помнил день отправки в командировку:

– Если кэп собирается воспитывать нас до самой погрузки, то хреновые мы будем воины...

У группы силы были на пределе. Особенно тяжело дался последний ночной «бросок». По полной боевой днем-то тяжело бежать, а чего уж говорить о ночи. А если к этому прибавить, что то же самое будет завтра и послезавтра и через неделю мало что изменится, то от безнадеги хочется заорать: «Будь ты проклята, российская армия!». Примерно так и думал Малыш каждый раз перед тем, как во сне отлететь к своей единственной. За всю неделю лишь однажды ему улыбнулась удача. Со своим отделением он попал в наряд по столовой. Завалившись на топчане в хлебрезке на засаленный бушлат, он сладко потянулся и сам себе процитировал:

Кто в армии не был,

Тому не понять,

Как хочется кушать,

Как хочется спать.

В тот день он отоспался за все предыдущие.

* * *

После очередного «олимпийского» дня группа спала без задних ног. Режим в армии – великая вещь. Организм привыкает есть и спать по часам, к тому же армейская молва гласит: «Чем больше спим, тем ближе к дому». Поэтому сон в любых войсках – это святое. А вот Малышу после «спального» наряда не спалось, к тому же очень тянуло к той, которая наверняка уже спала и даже в кошмарном сне не смогла бы представить сотой доли того, что происходит с ним.

– Загран, пить хочу, – жестко прозвучало в ночной тишине. Где-то вверху заскрипела панцирная сетка, и две голые пятки спрыгнули на пол.

– Загран! Я не понял?! – специально громко спросил Малыш.

Повисла тишина.

– Загран! – так же громко и даже устрашающе прошипел Муса – дагестанец, который был в большом почете у своих и от которого больше всех доставалось молодым, в основном русским.

– Отставить, Загран. Если ты сейчас не ляжешь обратно, то я сам тебе вломлю, – спокойно сказал Малыш не столько для Заграна, сколько для Мусы.

* * *

В полку даги держались очень дружно. Их было понемногу в каждой роте, но если задевали одного, то они собирались всей кучей, и поэтому с ними считались. В спецназе дагестанцев было человек тридцать. Все были коренастые, крепкие парни, бывшие борцы, боксеры, другие в спецназ, в общем-то, и не попадали, а если и попадали, то не выдерживали нагрузок, и их переводили в обычные роты. Муса среди своих земляков был самый крепкий, самый выносливый и авторитетный. В группе у командира он был одним из любимчиков, хотя кэп даже

не представлял, что тот устраивает после отбоя, когда «советская власть» заканчивается. Зато Малышу, Тайсону, Балу и Гному все это было хорошо известно. Более того, они и сами не так давно «отлетали», и воспоминания о своих дедах, таких же злых и коварных и до отвращения тупых дагов, еще были свежи. Поэтому в группе был договор: дагестанцы молодых русских не трогают, а из своих «черных» пусть хоть жилы вытягивают, чего, естественно, не происходило.

Загран был русским. Малышу он понравился сразу. Из всей молодежи он был единственным, кто вместе с дедками и дембелями после первого двадцатикилометрового марш-броска забежал через ворота КПП в часть. Все остальные молодые потерялись где-то по дороге. А Загран на себе притащил еще чей-то бронезилет. За ужином Малыш позвал его к себе за стол, где ели сержанты, и попытался расспросить его, кто он и откуда. Парнишка оказался детдомовцем. На этом, собственно, все расспросы и закончились, так как не трудно было представить, сколько парень повидал. В группе его окрестили Заграном, по фамилии Заграничный, происхождение которой тот объяснить не мог. Когда его вместе со всеми молодыми начали прессовать деды, и по большей части даги, Малыш вывел его в туалет, дал сигарету и объяснил, что он человек и унижать его не может никто, в особенности черномазые, которые на следующий день в столовой и в группе огреблись на все деньги.

* * *

– Загран, я ведь щас встану, – снова прошипел Муса.

Загран стоял возле своей кровати и не решался что-либо предпринять.

– Загран, я жду еще пять секунд, – уже на полном серьезе сказал Малыш.

– Малыш? Зачем ты вмещиваешься? – не совсем уверенно спросил Муса, так как хорошо еще помнил последние два удара в столовой.

Малыш ему не ответил. Молча встал и пошел к Заграну. Через несколько секунд в темноте раздался хлесткий удар в грудь. Загран отлетел и собрал штук пять табуреток, которые мгновение назад были выстроены по ниточке. Малыш наклонился к нему:

– Если я еще раз узнаю, что ты шестеришь дагам, поверь, мало тебе не покажется...

И почаще вспоминай, что ты человек, – направляясь к своей кровати, уже спокойно сказал Малыш.

– Малыш?! Не много ли ты берешь на себя? – с явным неуважением прошипел Муса и привстал на кровати.

Малыш как раз проходил мимо него:

– А ты скажи своим черным, если еще раз кто-нибудь затронет наших молодых – встрянешь ты. Со своими делайте что хотите, в Чечне их хоть перестреляйте. Русских не трогайте. Понял?

– Подожди, сочтемсу, – прошипел Муса, с головой накрываясь одеялом.

* * *

За обедом Малыш узнал, что вечером дежурным по группе заступает лейтенант Князев. Князь всю жизнь проходил в прапорах, а лейтенантские погоны получил за год до пенсии, отучившись в экстернатуре. В полку был известен как матёрый афганец и горький пьяница, но в группе у дедов пользовался популярностью, так как за пол-литра водки мог отпустить до утра. Зато молодым его дежурства ничего хорошего не предвещали, так как он либо пьяный спал, либо пил, а в это время небо казалось с овчинку.

Малыш еле дождался вечера. После отбоя, уже в «гражданке», он не вошел, а влетел в канцелярию. Князь смотрел «Новости».

– Ну и что в мире происходит? – для приличия спросил Малыш, даже не глянув в телевизор.

– О, уже переодетый! Расслабил я вас... – для приличия возмутился Князь.

– Да ладно, товарищ лейтенант, таксу мы знаем, все будет без залетов, – сказал Малыш, выставляя на стол бутылку, за которой ему после ужина на командирском «уазике», якобы на заправку, съездил молодой.

– Сколько вас идет-то? – пряча бутылку в стол, спросил Князь.

– Да я один, – уже на ходу бросил Малыш. Теперь каждая минута была на счету.

* * *

– Артем! – бросилась на шею Инна, никак не ожидавшая увидеть его на пороге. Он по ней так соскучился, что даже, не стесняясь отца, поцеловал ее раза четыре.

– Ну, мать, накрывай, солдат наш пришел!

– Здравствуйте, – не выпуская Инну из объятий, поздоровался Артем и еще раз поцеловал ее.

– Ну дверь-то хоть закройте, – по-доброму возмутился отец и пошел помогать жене на кухне.

– Ты почему так долго не приходил? Я уже думала, что вы уехали. По телевизору такие страсти передают. И не позвонил даже ни разу?! – с детской обидой сказала Инна.

– Долгая история, не будем об этом, – прошептал Артем, закрывая дверь. – Потом все расскажу. – Так же тихо сказал он и еще раз поцеловал ту, мыслями о которой жил все это время.

* * *

Они познакомились за три недели до армии. По счастливой случайности Артем остался служить в родном городе и благодаря своему спортивному прошлому попал в спецназ. Два месяца они писали друг другу письма, а затем Инна приехала к нему на присягу, и он, стоя с автоматом на груди среди доброй сотни лысых парней, понял, что эта та единственная, которую он будет любить всю жизнь. После присяги всех местных до утра отпустили в город... и была такая прекрасная ночь, а утром она стояла заспанная перед ним, а он застегивал верхние пуговицы кителя, и не было счастливее их на свете.

* * *

После ужина они наконец-то остались вдвоем в маленькой, но уютной Инниной комнате. Сидя на диване, Артем снова обнял ее и, не веря, что это не сон, прошептал:

– Как я по тебе скучал...

– Я тоже, милый...

От прилива нежности Артем, еле сдерживая слезы счастья и умиления, наверное, в сотый раз за этот вечер поцеловал ее.

– А у меня зубик болел, – голосом маленькой девочки начала рассказывать Инна, – представляешь, в детстве занималась баскетболом, и на тренировке мне одна девочка случайно ударила по губам. Губы тогда распухли, я даже в школу не ходила. А дней десять назад зубы утром чистила, больно, чувствую, зуб шатается. Ну, я в слезы, ладно бы какой-нибудь, а то передний. В больницу приехала, мне говорят, что зуб спасти можно, только нужна операция и денег вагон. С мамой деньги собрали, на следующий день приехали. Так больно было, я наревелась! Там костную ткань наращивали, что-то тянули, вшивали, вживляли...

– Ты моя бедная, – искренне посочувствовал Артем и поцеловал ее в щечку.

– Конечно, бедная... Знаешь, как больно было... – все так же, как маленькая девочка, сказала Инна, вжимаясь в объятия Артема.

– Да уж откуда мне знать, что такое боль!? – съязвил Артем и еще сильнее обнял ее.

* * *

Когда он уходил, родители еще спали.

– Если мать позвонит, не говори, что я у вас был, и своим скажи, а то обидится. К тому же эта командировка... Прикинь, как она переживает, – попросил Артем, стоя уже у двери.

– Хорошо, милый, как скажешь, – обняв его, сказала Инна и, привстав на цыпочки, поцеловала.

– Все, сладкая моя, я пошел... Народ ведь думает, что я его охраняю, – улыбаясь сказал Артем и побежал по лестнице.

* * *

Князь еще спал. В канцелярии было накурено, а под столом, помимо своей бутылки, Малыш нашел еще две пустые.

– Товарищ лейтенант, я пришел, – сказал он, потормошив еще «синего» офицера.

– Молодец, – приоткрыв глаза и тут же снова уснув, сказал Князь и больше не подавал признаков бодрствования.

Малыш вышел из канцелярии и пошел к своему взводу. Деды и дембеля еще спали, а молодые «плавали» – мыли пол. Возле его кровати тряпкой возил Загран.

– Да брось ты, Загран. И так чисто, – сказал Малыш и, улынувшись, протянул руку. Загран бросил тряпку и неловко протянул локоть, чтобы Малыш пожал не мокрую кисть, а сухой рукав тельняшки. От неловкости ситуации Загран улыбнулся. В верхнем ряду не было двух передних зубов.

– Загран, только не говори, что ты упал, – вмиг стал серьезным Малыш. Улыбка сошла с лица Заграна. Он опустил голову...

– Че ты молчишь? На меня смотри, – начал заводиться Малыш, предполагая, чьих рук это дело. – Черные?

– ...Ты только ушел, Муса и еще два дага хотели меня заставить, чтобы я им кровати расправил, ну и заодно вспомнили, что я воды не принес.

– Ну а ты?

– Я сказал, что не буду, потому что...

– А они? – перебил Малыш.

– Ну, Муса мне и...

– А еще два дага кто были?

– Мага и Тофик, они потом уже... Попинали и ушли.

– Ну а ты че? Мусу-то хоть раз зацепил?

– Да не раз, я как зубы выплюнул, как начал их молотить, потом, правда, они меня запинали, хорошо еще в тапках были, а то бы вообще что-нибудь отбили... А из-за того, что на дедов руку поднял, они весь наш призыв всю ночь плющили.

Малыш быстро окинул взглядом молодых, ползающих рядом с тряпками. Доказательства вчерашнего «веселья» были почти на каждом лице.

– А где были Гном, Тайсон, где был Балу? – недоумевая, спросил Малыш.

– Они с Князем в канцелярии пили, да нам еще и от них досталось – ночью за водкой пришлось бегать.

– Балу! – заревел Малыш, подбегая к его кровати. – Балу, подъем!

– ...Не ори, – морщась после вчерашнего, с трудом продирая глаза, сказал Балу. – Еще полчаса можно спать, – все-таки сумев их оторвать, добавил он.

– Балу, ты куда вчера смотрел?.. Парни, ну как вы так?.. – искренне огорчился Малыш, сев на кровать.

– Малыш, да на хрен тебе эти черти нужны, че ты с ними возишься? Если лохи, то и пусть живут как опущенные, мы так не жили, – зевая, начал было Балу.

– Мы так не жили... Балу, нам же на войну вместе с ними ехать!..

Из канцелярии вышел князь. Покачиваясь, он вошел в туалет. Дверь, заскрипев, приоткрылась, и все, кто уже не спал, услышали бодрое журчание.

«Господи, да когда же это все кончится? Да когда же дембель?», – подумал Малыш и, вскочив с кровати, от безысходности, заорал:

– Подъем! Группа, подъем! На месте построения по форме четыре строиться!

Те, кто еще спал, зашевелились под одеялами. Молодые, побросав тряпки, выбежали на «взлетку». Для всех началось еще одно безумное утро. А с этого дня у Загрانا появилась новая кличка. В группе его стали называть Вампиром.

1999

Сашка

После нищей, но прекрасной университетской юности, и года, проведенного в армии, жизнь моя начала налаживаться. Я уже был подающим надежды журналистом и стал неплохо зарабатывать. Друзья мои к тому времени выросли в акул бизнеса, и в общем-то, главной нашей головной болью было то, как провести получше время. Мы были завсегдатаями клубов, бильярдных, ресторанов, пляжей, ездили на дорогих машинах, в окружении красавиц посещали все модные тусовки, короче, друзья мои прожигали жизнь, а я наверстывал все упущенное в армии, и на тот момент мне это казалось правильным. Одной летней душной ночью зазвонил телефон. Дело было в ночь с первого на второе августа. Звонил мой товарищ Антон. Он только что вернулся из Сочи и после месячного отсутствия взгрустнул по нашей жизни. Через полчаса он за мной заехал, и на его новеньком «мэрсе» мы понеслись по ночному проспекту. Антон рассказывал про Сочи, я – про наши городские события и сплетни. После посещения пары клубов и дискотеки ночного пляжа уже под утро решили заехать в бильярдную, которую держал наш третий товарищ. Бильярдная была пустой, Славы, как выяснилось, в ней тоже не было. Маркер Сашка в одиночестве гонял шары на русском бильярде. По привычке я зашел и крикнул:

– Сашка, ставь!

Весь год с момента открытия бильярдной я заходил и с порога кричал одну и ту же фразу, и Сашка, где бы ни находился и чем бы ни занимался, бросал все, подбегал, здоровался, улыбался и ставил нам пирамиду на нашем столе. Быть другом босса – это круто. В этот раз все было так же, как всегда. Сашка бросил свои шары, подбежал и улыбнулся.

– С приездом, – сказал он Антону и протянул руку мне.

На голове у Сашки по-спецназовски, то есть налево, был надет голубой десантный берет, а на его дешевенькой белой футболке я увидел орден Мужества. Сашке от силы было года двадцать два, и получить боевой орден он мог только за Чечню. Тут я вспомнил, что второе августа – День воздушно-десантных войск, и видимо, поэтому Сашка был в берете и при параде. Так уж случилось, что о спецназе я знаю не понаслышке.

– С праздником, братишка! – сказал я и обнял Сашку.

– Спасибо.

– Ты когда воевал?

– В первую, в девяносто пятом.

– А где служил?

– В Бердске, в спецназе ВДВ.

– Красавчик. Кто бы мог подумать, что ты у нас такой герой!

Сашка молча улыбнулся. У него была очень красивая улыбка и грустные глаза, только раньше я этого не замечал. Нам в армии всегда в пример ставили ВДВэшный спецназ. Командир батальона у меня был бывший десантник. Если у нас что-то не получалось или мы плохо стреляли, или ночью, замученные «дедами», на зарядке утром слабо бежали, он всегда орал, что в ВДВ мы бы не протянули и месяца, а когда он был сильно огорчен, то, матерясь в полголоса, говорил: «Не дай Бог с вашим стадом попасть на войну!». Крутой у нас был комбат.

Все это я вспомнил, глядя Сашке в глаза, с виду обычному пареньку небольшого роста с красивой улыбкой, который выжил в спецназе и героем пришел с войны...

– Пойдем, Сашка, выпьем за тебя, мы угощаем. На таких мужиках, как ты, вся Россия и держится, – сказал я, а сам подумал: ну как же это может быть, человек, который воевал, получил орден Мужества в двадцать с небольшим, вынужден «шестерить» в бильярдной и исполнять прихоти сытого быдла, которое кичится своими дешевыми бабками. «Сашка, ставь» больше я никогда с порога не кричал. В ту ночь вообще барских замашек у меня поубавилось.

Сколько же вас еще, достойных сынов Отечества, тихонько живет в нашей огромной безумной России, славной во все времена подвигами своих героев?

2000

Страна Героев

Баня для любого русского человека – это значительно больше, нежели может показаться на первый взгляд. Баня – это не только место для мытья, это целый образ, который по своей полноте вряд ли уступит советской кухне или коммуналке. В бане, как в церкви, все равны, а потому и ходят туда все. Кто прогреться – здоровье поправить, кто с друзьями встретиться, поговорить, пивка попить. Кто отдохнуть и расслабиться. Кому-то удастся все сразу. Что может быть лучше, чем из парилки – да сразу в снег, или, где еще так, кстати, окажется запотевшая бутылка пива. Конечно, в бане. А сколько тайн хранят бани? Сколько дел в них было решено. Сколько обмороженных они отогрели и спасли. Сколько радости и веселья они видели. Любит русский человек бани, а еще больше любит к березовому веничку хорошую компанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.